

Рецензия на книгу Эвандро Агацци «Научная объективность и ее контексты»

Агацци Э. Научная объективность и ее контексты = Scientific Objectivity and its Contexts / Эвандро Агацци; пер. с англ. Д. Г. Лахути; под ред. и с предисл. В. А. Лекторского. — М.: Прогресс-Традиция, 2017. — 688 с. — ISBN 978-5-89826-481-9.

Книга итальянского философа с мировым именем посвящена детальной разработке реалистической концепции философии науки, прежде всего анализу смысловой структуры научного знания — эпицентру дискуссии в философии науки: спору реализма и антиреализма. Речь идет о понимании одной из ключевых проблем — характера научной деятельности и ее места в обществе и культуре. Является ли наука просто способом проектирования новых технологий — или говорит нечто важное о мире, в том числе о выходящем за пределы всяких возможных наблюдений; определяются взаимоотношения ученых борьбой за лучшие позиции и финансирование или же нормами той интеллектуальной деятельности, в которую они включены?

Сегодня популярны идеи о том, что познание не имеет отношения к получению истинного знания (многие в связи с этим считают понятие истины девальвированным), что рассуждения о рациональности, о нормах получения и оценки знания носят чисто риторический характер и никак не связаны с реальной научной практикой. Эвандро Агацци — последовательный реалист в эпистемологии и научный реалист в истолковании научного познания. При этом он не просто декларирует свою позицию, а тщательно обосновывает ее как путем концептуального анализа, так и посредством интерпретации фактов истории науки. Предлагаемая вниманию читателя книга Агацци — итог более чем 40-летнего исследования им данных проблем.

Агацци разделяет понимание истины как соответствия смысла утверждений реальному положению дел (понимание, восходящее к Аристотелю и развитое Тарским). Вместе с тем он критикует и «теорию отражения» — за сохранение в ней так называемого эпистемологического дуализма, и сам эпистемологический дуализм — представление о том, что познание имеет дело не непосредственно с самой действительностью, а с ее репрезентациями: особыми ментальными конструкциями — образами, которые выступают своего рода посредниками между реальным миром и познающим субъектом, как бы отгораживающими сознание от самого мира.

Критики научного реализма считают, что дело не в том, каким образом ученые могут понимать цель своей деятельности, а в том, что на самом деле происходит в науке — поскольку теории, претендовавшие на истинность, оказываются отвергнутыми, а предполагавшиеся ранее реально существующими ненаблюдаемые теоретические объекты (теплород, флогистон и др.) впоследствии признаются фикциями. Между тем, как показывает Агацци, наука не только пытается получить истинное знание, но и действительно его вырабатывает. Поэтому он отвергает и идею разрыва между теоретическими знаниями и реальностью (в этом случае последняя выглядит как «вещь в себе»), и тезис о том, что мы лишь бесконечно приближаемся к обладанию истинными знаниями, возможно, даже имеем некоторые

из них, но не владеем критериями отличия истинных знаний от ложных. Последний, как известно, принадлежит Попперу, он отражает его фаллибилистское понимание науки и связан с концепцией степеней правдоподобия научных теорий. Итальянский философ развивает и обосновывает иное представление о характере научных теорий: наука в действительности обладает бесспорно истинными знаниями, при этом количество таких знаний растет. Эти истины Агацци называет относительными не в смысле их отличия от «абсолютной истины» (как это традиционно было принято в отечественной философской литературе), а в смысле их отнесенности к определенной группе референтов: теории могут быть истинными по отношению к одной такой группе и ложными по отношению к другой. Референты — это реально существующие положения дел: реальность может быть понята как совокупность референтов всех существующих и возможных истинных высказываний.

Агацци развивает концепцию, согласно которой между теоретическими и наблюдаемыми научными объектами нет постоянной и неизменной границы, так же как и между теоретическими и операциональными понятиями (научное наблюдение должно быть понято как осуществление определенных физических операций). То, что в одной теории является операцией, принимаемой за нечто данное, в другой будет теоретической конструкцией. Дело в том, что в науке все материальные операции теоретически нагружены. По мнению Агацци, вообще все основные дискуссии в философии науки XX в. связаны с возможностью или невозможностью приписать реальность ненаблюдаемым теоретическим объектам. Такие объекты встречались и в науке прошлого: это

не только уже упоминавшиеся теплород или флогистон, но и абсолютные время и пространство, эфир и др. В XX столетии объектов этого рода появилось великое множество — к ним относится, например, весь мир атомной физики.

В связи с этим представляет интерес приводимый в книге анализ популярной концепции известного философа науки Й. Хэкинга о «реальности сущих». В ней реальное существование некоторых научных объектов («сущих») противопоставляется реальности теорий, которые о них строятся. Хэкинг полагает, что есть все основания считать такие ненаблюдаемые научные объекты («сущие»), как, например, электрон, реально существующими по той важной причине, что их можно включить в физические операции, использовать для создания и функционирования научных инструментов или процессов. Это свидетельствует о реальной каузальной способности подобных объектов. Так, в ходе экспериментальных манипуляций с электронами определен их заряд, выяснено, что они могут дифрагировать, что рассеянные электроны сохраняют свою полную энергию и т. д. Что же касается теорий об электронах, то они меняются и поэтому, с точки зрения Хэкинга, вряд ли могут быть реалистически интерпретированы. Агацци возражает против этой концепции, утверждая, что «сущие» объекты — наблюдаемые или ненаблюдаемые — суть не что иное, как структурированные множества свойств, атрибутов. Свойства ненаблюдаемых научных объектов задаются теми теориями, которые о них строятся. Смена теорий о ненаблюдаемом объекте не означает отказа от тех приписываемых ему атрибутов, которые позволяют его идентифицировать. Лабораторные манипуляции с ненаблюдаемыми «сущими» предполагают теоретическую нагруженность

используемых при этом операций. Поэтому реализм в отношении ненаблюдаемых «сущих» нельзя оторвать от реализма в отношении научных теорий.

В книге Агацци разработано множество других оригинальных подходов, касающихся актуальных проблем современного понимания науки. Так, любопытны рассуждения автора о взаимоотношении науки и технологии, о феномене технонауки, введение им понятия технологической машины, которая может рассматриваться как конкретная реализация абстрактных научных моделей и преобразовываться в модель для интерпретации и объяснения природных явлений. Интересен анализ этических проблем, возникающих в связи с наукой. Агацци не отдает философии пальму первенства в научном познании, но утверждает, что метафизика и наука взаимосвязаны. По его мнению, нет четкого критерия разделения науки и метафизики — так называемого критерия демаркации, вокруг которого было столько споров в философии логического эмпиризма.

Среди других интересных идей книги — понимание взаимоотношения вещи и научного объекта, концепция исторического характера вещей, включение в их состав не только материальных тел, но и математических уравнений, музыкальных симфоний и субъективных переживаний; понятие о разных типах реальности; концепция исторического априори научного познания; герменевтический подход к анализу научного знания. В книге содержится подробное и представляющее самостоятельный интерес исследование исторического контекста идеи объективности научного знания в соотношении с понятием научного объекта и концепцией интерсубъективности. Наконец, в качестве приложения дана формальная разработка семантики эмпирических научных теорий.

Труд Агацци вводит читателей в поле проблем, анализ которых насущно необходим для понимания того, что сегодня происходит с наукой, и, бесспорно, будет полезен аспирантам и молодым ученым, делающим первые шаги на научном поприще.

Сост. канд. филос. наук, доцент Н. П. Кнэрт